

Казусы формирования экологической истории и экологической антропологии в России: о непохожей судьбе иностранных терминов

Даниил В. Пузанов

*Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН,
Ижевск, Россия, lpdmor@gmail.com*

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ процессов приспособления сформировавшихся в США дисциплин (“ecological anthropology”, “environmental history”) к отечественной этнографии и истории соответственно. Попытку институционально оформить особую науку, находящуюся на границе предметных полей экологии и этнографии, первым предпринял еще в начале 1980-х гг. В.И. Козлов. В результате его активных действий за обширной областью, изучающей смежные с экологией и этнографией проблемы, закрепилось название «этническая экология». Дословный перевод «экологическая антропология» и «этно-экология» (в том значении, в котором термин используется на Западе) в России обычно применяется только при описании зарубежной традиции.

При формировании отечественной экологической истории наблюдался прямой перенос зарубежной традиции на российскую почву, поддержанный активностью иностранных институций. Поэтому проблема конструирования названия новой для России дисциплины в большей мере связывается с вопросом перевода “environmental history”.

Анализ двух противоположных путей институционализации новых научных направлений позволяет по-новому взглянуть на вопросы национальных особенностей общей предметной структуры социального и гуманитарного знания и роль субъективного фактора в формировании научных традиций.

Ключевые слова: экологическая история, история окружающей среды, этноэкология, социальная антропология, экологическая этнография, экология человека, терминология

Для цитирования: Пузанов Д.В. Казусы формирования экологической истории и экологической антропологии в России: о непохожей судьбе иностранных терминов // Вестник РГГУ. Серия «История. Политология. Международные отношения». 2023. № 1. С. 76–84. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-1-76-84

Incidents of the formation of environmental history and ecological anthropology in Russia. On the dissimilar fate of foreign terms

Daniil V. Puzanov

*Udmurt Institute of History, Language and Literature
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Izhevsk, Russia, lpdmor@gmail.com*

Abstract. The article provides a comparative analysis of the processes of adapting of the disciplines formed in the USA (“ecological anthropology”, “environmental history”) to national ethnography and history, respectively. In the early 1980s V.I. Kozlov was the first to attempt institutionalizing a special science that is on the border of the subject fields of ecology and ethnography. As a result of his active actions, the name “ethnic ecology” was fixed for a vast field studying questions related to ecology and ethnography. The literal translation of “ecological anthropology” and “ethnoecology” (in the meaning in which the term is used in the West) in Russia is usually used only when describing a foreign tradition.

During the formation of the national ecological history, there was a direct transfer of the foreign tradition to the Russian soil, supported by the activity of foreign institutions. Therefore, the issue of constructing the name for a new discipline in Russia is more connected with the question of translating “environmental history”.

The analysis of two opposite ways of institutionalization of new scientific directions allows us to take a fresh look at the issues of national specifics of the general subject structure of social and humanitarian knowledge and the role of the subjective factor in the formation of scientific traditions.

Keywords: ecological history, environmental history, ethnoecology, social anthropology, ecological ethnography, human ecology, terminology

For citation: Puzanov, D.V. (2023), “Incidents of the formation of environmental history and ecological anthropology in Russia. On the dissimilar fate of foreign terms”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 1, pp. 76–84, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-1-76-84

История и этнография, несмотря на разницу зарубежной (где социальная антропология имеет тесные связи с социологией) и отечественной (в которой этнологию причисляют к историческим дисциплинам) классификаций, в обеих традициях плотно взаимосвязаны. С усилением интереса мировой общественной среды к вопросам экологии становится актуальной проблема истории

формирования экологической проблематики в социогуманитарной сфере, в том числе и в истории и этнографии. Приобщение историков и этнографов к проблеме изучения окружающей среды шло разными путями, проходило разные этапы, но в обоих случаях речь идет о неисчисляемом объеме литературы.

Вызовом отечественной научной традиции стала проблема примирения мировых исследовательских трендов с традиционными для нашей страны направлениями. Российские история и этнография в этом отношении демонстрируют уникальный пример разных путей развития. Преднамеренные попытки сформировать пограничную дисциплину между экологией человека и этнографией начались еще в СССР в начале 80-х гг. К тому времени в США уже давно существовало крупное научное направление под названием “ecological anthropology” (в некоторых работах [Townsend 2000] ту же дисциплину называют “environmental anthropology”), которое в отечественных исследованиях переводилось дословно как «экологическая антропология». Тем не менее просто перевести и приспособить данный термин к советской науке было трудно. Антропология воспринималась в Советском Союзе как естественно-научная дисциплина, в то время как предметное поле социальной антропологии преимущественно принадлежало этнографии/этнологии. Выход был найден в конструировании названия, которое соответствовало бы отечественной традиции наименования пограничных дисциплин. Так родилась «этническая экология» – направление, которое в зависимости от контекста либо воспринимали как синоним зарубежной экологической антропологии, либо противопоставляли друг другу оба понятия, подчеркивая разницу иностранной (прежде всего американской) и отечественной традиций.

В начале 80-х гг. В.И. Козлов [Козлов 1983, с. 3, 7] писал об этнической экологии (этноэкологии) как о возникающей в данный момент дисциплине и, кажется, был уверен, что вводит новый термин. О существовании «экологической антропологии» исследователь знал, но неправомерно сужал ее предметные рамки [Козлов 1983, с. 6–8]. В данной статье отсутствуют признаки знакомства автора с термином “ethnoecology”, который за рубежом обозначает как дисциплину, изучающую натуралистические представления этнических сообществ, так и само обозначение этих этнических представлений. Ко времени написания работы эта этноэкология уже не просто имела давнюю историю развития, но и активно перестраивала свою прежнюю методологическую базу [Milton 1997, p. 485]. В статье 1983 г. В.И. Козлов еще не предлагал термин «этническая экология» в качестве своеобразного адаптированного перевода “ecological anthropology”. Но тенденция к отождествле-

нию двух дисциплин (при признании отличий национальных традиций) возникает у исследователя к концу 80-х гг. Вернее сказать, что В.И. Козлов вместе с соавторами последовательно переводил “ecological anthropology” в адаптированном для советской традиции виде — как «экологическая этнография» [Козлов, Ямсков 1989, с. 86]. Но сами историографические обзоры, в которых речь велась преимущественно о западной традиции, содержали в названии именно «этническая экология». В работах этого периода В.И. Козлов демонстрирует превосходное знание многообразия направлений зарубежной экологической антропологии. Этноэкология как наука о мировоззрении рассматривается здесь как одно из направлений экологической этнографии [Козлов, Ямсков 1989, с. 94]. В начале 90-х гг. В.И. Козлов [Козлов 1994, с. 97–119] стал более последовательно связывать экологическую антропологию с советской этнической экологией. При этом исследователь отмечал, что круг вопросов, интересовавших отечественных специалистов, сближал их скорее с американской культурной географией [Козлов 1994, с. 112].

На протяжении всех этапов эволюции своих взглядов В.И. Козлов продолжал активно пропагандировать свое понимание термина «этноэкология». Эти усилия не прошли даром, и именно в таком виде, как своеобразный адаптированный аналог экологической антропологии данное понятие и закрепилось в России. Дословный перевод «экологическая антропология», как и «этноэкология» в американском понимании, обычно используется исключительно в историографических работах, посвященных зарубежной науке. Хотя само по себе существование двух идентичных терминов из параллельных традиций, конечно, обращало на себя внимание советских исследователей. Например, И.И. Крупник предложил использовать для обозначения науки об этноэкологическом мировоззрении термин «народная экология» [Крупник 1989, с. 13–14].

Из исторических дисциплин в России, возникающих на стыке с экологией, наибольшую популярность в последнее время приобретает экологическая история. В отличие от этноэкологии здесь наблюдается прямой перенос сложившихся на Западе традиций на российскую почву. Отечественные экологические историки работают в тесной кооперации с зарубежными научными институтами, на что уже обращали внимание историографы [Lajus 2017; Moon 2017, pp. 49–50].

В институциональном плане современная «экологическая история» представляет собой активно воспроизводящую свою идентичность дисциплину, настроенную на экспансию. Возможно, с этим связано то обстоятельство, что один из основных «пропагандистов»

направления – Д.Р. МакНилл [МакНилл 2008, с. 24, 29–30] дал ему максимально широкое определение. Фактически «экологическая история» в таком понимании ограничивается только природно-средовой проблематикой и общими традициями исторической науки, ориентированной преимущественно на изучение письменных документов. Возникнув в США, “environmental history” осуществила довольно быструю экспансию в научные структуры других стран, в числе которых оказалась и постсоветская Россия. Эти процессы породили ряд проблем и дискуссий.

Разошлись взгляды на то, как воспринимать сам вопрос происхождения экологической истории на российскую почву: тематически или институционально. В первом случае отечественные экологоцентричные направления (особенно историческая география, история природных ресурсов, социоестественная история) изучались как предшественники либо составная часть российской экологической истории [Калимуллин 2006, с. 18, 30; Дурновцев 2014; Дурновцев 2019, с. 26]. Исследователи, рассматривающие проблему с институциональных позиций, напротив, отмечают крайне слабое развитие в нашей стране экологической истории [Lajus 2017, p. 627; Мягков, Недашковская 2018, с. 442]. Представляет определенный интерес попытка Г.П. Мягкова и Н.И. Недашковской [Мягков, Недашковская 2018, с. 442] связать вопросы институализации экологической истории в России с особенностями развития отечественной исторической географии и ее положением в общей структуре гуманитарных и социальных наук.

Если проблемы перевода на русский язык “ecological anthropology” были связаны прежде всего с расхождениями в представлениях о предметных границах крупных направлений в науке, то в экологической истории в центре внимания оказался вопрос корректного и удобного перевода “environmental history”. Наиболее распространенный в настоящий момент перевод «экологическая история» утверждается уже в современной России (в конце 80-х гг. данный термин использовался без привязки к этой американской дисциплине [Круть, Забелин 1988, с. 12; Альтшулер, Мнацаканян 1989, с. 99–100]). Довольно активную попытку оспорить такое обозначение в последнее время предпринимает В.И. Дурновцев, считающий, что дословный перевод «история окружающей среды» уместнее. Исследователь отмечает и некоторую путаницу, которая может возникнуть в связи с тем, что на Западе “ecological history” в свое время воспринимался как синоним другой дисциплины – «исторической экологии» [Дурновцев 2014, с. 60–61]. В то же время в некоторых своих работах В.И. Дурновцев [Дурновцев 2019] явно преувеличивает значение названия для определения содержания

дисциплины. При этом исследователь вынужден считаться со сложившейся традицией и довольно активно использовать термин «экологическая история», в том числе и в названиях своих работ. Косвенно это может способствовать закреплению устоявшейся традиции.

Когда исследователи пытаются обосновать целесообразность того или иного термина, они обычно демонстрируют свое представление о тех акцентах, которые уместно расставить, собственный взгляд на семантические поля как отечественных, так и зарубежных слов, правила образований слов и словосочетаний (в том числе и в рамках научной традиции) и т. д. Но на практике успех того или иного названия, по всей видимости, зависит не столько от глубокой теоретической истины или вопросов лингвистической корректности, сколько от организационных проблем и субъективных факторов. Удобство употребления термина, его краткость, стратегии продвижения и частота употребления в популярных источниках могут оказаться решающими.

И в то же время едва ли стоит игнорировать общие тенденции распределения предметных полей гуманитарных наук в разных национальных традициях. В рамках исторической дисциплины эти проблемы не так очевидны, как в этнографии. Но едва ли случайным является то, что советские историки, так же как и этнографы, интересуясь близкой к экологии проблематикой, часто тяготели к географии. И эти тенденции в отдельных направлениях этих наук можно проследить до сих пор. С другой стороны, попытка формирования крупной дисциплины, находящейся на стыке с экологией (в первую очередь экологией человека) в отечественной истории, так же как и в отечественной этнографии, испытывает трудности. Несмотря на все институциональные достижения этноэкологии и экологической истории, они по-прежнему имеют успех только в отдельных научных центрах, а не в масштабах страны [Томилов 2009, с. 220; Lajus 2017, pp. 628–629]. И едва ли случайно то, что попытка обратить внимание именно на экологический и средовой аспекты взаимодействия культуры и природы вынуждают историков и этнологов обращаться прежде всего к науке США.

Литература

Альтшулер, Мнацаканян 1989 – Альтшулер И.А., Мнацаканян Р.А. К вопросу об экологической истории СССР // Русский космизм и ноосфера: Тезисы доклада Всероссийской конференции. М., 1989. Ч. 1. С. 99–101.

- Дурновцев 2014 – *Дурновцев В.И.* Экологическая история как научно-образовательный проект для гуманитарного университета // Экологическая история России: этапы становления и перспективные направления исследований: Материалы Международной научной конференции (Елабуга, 13–15 ноября 2014 г.). Елабуга: Изд. Яковлева Наталия Андреевна, 2014. С. 49–67.
- Дурновцев 2019 – *Дурновцев В.И.* Российская экологическая история (environmental history): штрихи к недорисованному портрету // Проблемы экологической истории / истории окружающей среды. Вып. 1. М., 2019. С. 17–31.
- Калимуллин 2006 – *Калимуллин А.М.* Историческое исследование региональных экологических проблем. М.: Прометей, 2006. 368 с.
- Козлов 1983 – *Козлов В.И.* Основные проблемы этнической экологии // Советская этнография. 1983. № 1. С. 3–16.
- Козлов 1994 – *Козлов В.И.* Этническая экология: становление дисциплины и история проблем. М., 1994. С. 97–119.
- Козлов, Ямсков 1989 – *Козлов В.И., Ямсков А.Н.* Этническая экология // Этнология в США и Канаде. М.: Наука, 1989. С. 86–107.
- Крупник 1989 – *Крупник И.И.* Арктическая этноэкология. М.: Наука, 1989. 272 с.
- Круть, Забелин 1988 – *Круть И.В., Забелин И.М.* Очерки истории представлений о взаимоотношении природы и общества. М.: Наука, 1988. 414 с.
- МакНилл 2008 – *МакНилл Д.Р.* О природе и культуре экологической истории // Человек и природа: экологическая история / Под общ. ред. Д. Александрова, Ф.-Й. Брюггемайера, Ю. Лайус. СПб.: Алетей, 2008. С. 23–83.
- Мягков, Недашковская 2018 – *Мягков Г.П., Недашковская Н.И.* От географического детерминизма к экологической истории: гуманитарии в преддверии нового «поворота» // Проблемы просвещения, истории и культуры сквозь призму этнического многообразия России (к 170-летию чувашского просветителя И.Я. Яковлева): Материалы Всероссийской научной конференции (Чебоксары, 14–15 мая 2018 г.). Чебоксары: ИД «Среда», 2018. С. 436–444.
- Томилов 2009 – *Томилов Н.А.* Этническая экология и традиционно-бытовая культура // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4–3 (64). С. 219–224.
- Lajus 2017 – *Lajus J.* Environmental history in Russia and about Russia // Environment and History. 2017. № 23. P. 627–630.
- Milton 1997 – *Milton K.* Ecologies: anthropology, culture and the environment // International Social Sciences Journal. 1997. Vol. 49. Iss. 154. December. P. 477–495.
- Moon 2017 – *Moon D.* The Curious case of the marginalisation or distortion of Russian and Soviet environmental history in global environmental histories // International Review of Environmental History. 2017. Vol. 3. Iss. 2. P. 31–50.
- Townsend 2000 – *Townsend P.K.* Environmental anthropology. From pigs to policies. Long Grove: Waveland Press Inc, 2000. VII, 119 p.

References

- Altshuler, I.A. and Mnatsakanyan, R.A. (1989), "On the question of the environmental history of the USSR", in *Russkii kosmizm i noosfera: tezisy dokladov Vserossiiskoi konferentsii* [Russian cosmism and the noosphere. Abstracts of reports of the All-Russian Conference], Moscow, 1989, part 1, Moscow, Russia, pp. 99–101.
- Durnovtsev, V.I. (2014), "Environmental history as a scientific and educational project for the humanities university", in *Ekologicheskaya istoriya Rossii: etapy stanovleniya i perspektivnye napravleniya issledovaniy* [Environmental history of Russia. Stages of formation and promising areas of research. Proceedings of the International Scientific Conference (Yelabuga, November 13–15, 2014), Izdatel' Yakovleva Nataliya Andreevna, Yelabuga, Russia, pp. 49–67.
- Durnovtsev, V.I. (2019), "Russian ekologicheskaya istoriya (environmental history). Touches to an unfinished portrait", in *Problemy ekologicheskoi istorii / istorii okruzhayushchei sredy* [Issues of ecological history / environmental history], issue 1, Moscow, Russia, pp. 17–31.
- Kalimullin, A.M. (2006), *Istoricheskoe issledovanie regional'nykh ekologicheskikh problem* [Historical study of regional environmental issues], Prometei, Moscow, Russia.
- Kozlov, V.I. (1983), "The principal questions of ethnic ecology", *Sovetskaya Etnografiya*, no. 1, pp. 3–16.
- Kozlov, V.I. (1994), *Etnicheskaya ekologiya: stanovlenie distsipliny i istoriya problem* [Ethnic ecology. The formation of discipline and the background of issues], Moscow, Russia.
- Kozlov, V.I. and Yamskov, A.N. (1989), "Etnicheskaya ekologiya" [Ethnic ecology], in *Etnologiya v SShA i Kanade* [Ethnology in the USA and Canada], Nauka, Moscow, USSR, pp. 86–107.
- Krupnik, I.I. (1989), *Arkticheskaya etnoekologiya* [Arctic ethno-ecology], Nauka, Moscow, USSR.
- Krut', I.V. and Zabelin, I.M. (1988), *Ocherki istorii predstavlenii o vzaimootnoshenii prirody i obshchestva* [Essays on the history of ideas about the relationship between nature and society], Nauka, Moscow, USSR.
- Lajus, J. (2017), "Environmental history in Russia and about Russia", *Environment and History*, no. 23, pp. 627–630.
- MakNill, D.R. (2008), "Observations on the nature and culture of environmental historyI", in Aleksandrov, D., Bryuggemaier, F.-I. and Laius, Yu (eds.), *Chelovek i priroda: ekologicheskaya istoriya* [Human and nature. Environmental history], Aleteiya, Saint Petersburg, Russia, pp. 23–83.
- Milton, K. (1997), "Ecologies: anthropology, culture and the environment", *International Social Sciences Journal*, vol. 49, iss. 154, December, pp. 477–495.
- Moon, D. (2017), "The Curious case of the marginalisation or distortion of Russian and Soviet environmental history in global environmental histories", *International Review of Environmental History*, vol. 3, iss. 2, pp. 31–50.

- Myagkov, G.P. and Nedashkovskaya, N.I. (2018), "From geographical determinism to environmental history. Humanitarians on the eve of a new 'turn'", in *Problemy prosveshcheniya, istorii i kul'tury skvoz' prizmu etnicheskogo mnogoobraziya Rossii (k 170-letiyu chuvashskogo prosvetitelya I.Ya. Yakovleva): Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (Cheboksary, 14–15 maya 2018 g.)* [Issues of enlightenment, history and culture through the prism of ethnic diversity of Russia (on the 170th anniversary of the Chuvash educator I.Ya. Yakovlev). Proceedings of the All-Russian Scientific Conference (Cheboksary, May 14–15, 2018), Sreda, Cheboksary, Russia, pp. 436–444.
- Tomilov, N.A. (2009), "Ethnic ecology and traditional household culture", *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 64, no. 4–3, pp. 219–224.
- Townsend, P.K. (2000), *Environmental anthropology. From pigs to policies*, Waveland Press Inc, Long Grove, USA.

Информация об авторе

Даниил В. Пузанов, кандидат исторических наук, Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, Ижевск, Россия; 426067, Россия, Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4; lpdmor@gmail.com

Information about the author

Daniil V. Puzanov, Cand of Sci. (History), Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russia; bld. 4, Lomonosov St., Izhevsk, Russia, 426067; lpdmor@gmail.com